

Последний звук слова «хорошо» ещё не успел затихнуть, как на его губы легло нечто тёплое и мягкое.

Поцеловав Шэнь Фаши, Цзи Саньмэй дополнил своё требование:

— ...Или на таком расстоянии, чтобы я мог поцеловать тебя, когда захочу.

Дыхание Шэнь Фаши стало тяжелее:

— Говори, если есть что сказать. И не трогай...

Но где там Цзи Саньмэю слушаться? Шэнь Фаши опустил взгляд — и увидел, как белая, словно яшма, кисть скользнула в его штаны. Он чуть не лопнул от ярости, сквозь зубы выдавливая:

— Цзи... Сань... мэй!

Цзи Саньмэй лишь хихикнул:

— ...Брат Шэнь.

...Неужели яд ещё не выветрился?

Сохранять видимость спокойствия под действием любовного яда, чтобы выждать и заманить в ловушку — это уже талант!

Ребёнок в его объятиях был совершенно обнажён, укутанный лишь в его широкую верхнюю робу, причём одно плечо уже выскользнуло наружу. Что хуже — одежда грозила сползти и дальше.

Увидев это полуобнажённое, тонкое и белое плечо, дыхание Шэнь Фаши спёрло, будто прилив, потерявший ориентиры.

Стиснув зубы, он едва не вырвал сердце у этого бессердечного создания:

— Цзи Саньмэй, не испытывай меня. В ярости я способен на всё.

Цзи Саньмэй облизал губы:

— Брат Шэнь, *ты* не испытывай *меня*. В ярости и *я* способен на всё.

Шэнь Фаши перевернул его, прижал к земле и от души отшлёпал по округлой попке.

Но Цзи Саньмэй лишь захихикал ещё игривее. Его соблазнительный тон заставил горло Шэнь Фаши сжаться.

Тот пригрозил:

— Веди себя прилично.

Цзи Саньмэй:

— А что мне за это будет?

Шэнь Фаши:

— Когда успокоишься — отведу домой.

Цзи Саньмэй усмехнулся:

— Тогда я уже спокоен.

С этими словами он согнул колени, раздвинув ноги:

— Брат Шэнь, входи скорее. Пора домой.

Этот последний стимул переполнил чашу терпения Шэнь Фаши.

С лязгом ледяные кандалы сомкнулись на запястьях и лодыжках Цзи Саньмэя, пригвоздив его к земле в позе звезды.

Цзи Саньмэй, не ведая о грядущей каре, продолжал веселиться:

— Брат Шэнь? Так ты любишь такие забавы...

Шэнь Фаши молча наклонился и ударил ребром ладони по шее, отправив его в беспамятство.

Затем он сосредоточил духовную силу, чтобы изгнать яд из Цзи Саньмэя.

Но даже в бессознательном состоянии действие зелья оставалось мощным. Цзи Саньмэю было и зудно, и жарко, будто муравьи ползали у него в костях, заставляя дёргаться и дрожать.

О, если бы он мог стать картиной! Чтобы огромная кисть нанесла краски на его ключицы, лобок, тазовые кости... и заставила его расцвести ослепительным цветком.

Сквозь бред он бормотал, голосом, полным слёз:

— Плохо... Брат Шэнь, мне плохо...

В забытии он продолжал жаловаться:

— Брат Шэнь не жалеет меня.

Слушая эти стоны, Шэнь Фаши сдерживался из последних сил, лицо его побелело. Цзи Саньмэй же ничего не ведал, его розовое, юное тело беспокойно извивалось на земле.

Когда первый этап очищения завершился, Шэнь Фаши наклонился и впился губами в губы Цзи Саньмэя. Колокольчик на его поясе мелодично звякнул.

Но это не помешало ему языком раздвинуть зубы Цзи Саньмэя и приняться за исследование, словно жаждая проглотить и этот непослушный язычок.

Вкус поцелуя был подобен первому укусу сахарной ваты — сладчайшему, прекраснейшему, с долгим послевкусием.

Яд был силён. Шэнь Фаши понимал, что Цзи Саньмэй и вправду мучился, и проявлял к нему величайшую снисходительность.

Если тот буйнил слишком сильно — получал поцелуй. Если вёл себя смирно — получал объятия.

Так, в бреду и метаниях, Цзи Саньмэй провёл всю ночь.

А колокольчик в этом глухом месте звенел всю ночь напролёт.

Динь-динь, динь-динь.

Для Цзи Саньмэя ночь была лучшим временем суток. Под покровом ланьцанской тьмы и безбрежной черноты одиночество пробуждало в человеке жгучую жажду общества.

Отчасти поэтому некоторые и выбирали ночь для своих утех — ведь вдвоём всегда легче, чем в одиночестве.

К тому же, ночь имела и другое преимущество: лица не разглядеть, азарт удваивается, чувство вины уменьшается наполовину. В темноте и разум, и чувство достоинства, и поясницы расслабляются куда легче.

Поэтому, проснувшись на следующий день и обнаружив себя целым и невредимым, Цзи Саньмэй явил миру лицо, на котором читалось лишь «жить не стоит».

Его последняя память застыла на том, как Шэнь Фаши пригвоздил Лун Фэйяня к пню и принялся его «складывать» с характерным хрустом.

Применяя духовную силу, он намеренно использовал любовный яд, стирающий память на одну ночь — весьма удобно для того, чтобы наутро «застегнуться и забыться». Он уже всё продумал: если Шэнь Фаши и вправду переспит с ним, после пробуждения достаточно будет притвориться невинным и списать все недомогания на «отравление». Так он и брату Шэнь сохранит лицо, и сам прояснит его чувства к себе.

Всё было готово, не хватало лишь раздвинуть ноги.

Но брат Шэнь не проявил ни малейшего интереса к его телу! Просто не человек.

В голове Цзи Саньмэя роились планы «совращения праведника», но тот «праведник» оказался столь непоколебим, что самому «соблазнителю» стало неловко.

Шэнь Фаши исчез, но Цзи Саньмэй знал — тот скоро вернётся.

Он лежал не на голой траве, а на сухой, удобной подстилке — влага из стеблей была извлечена, так что утренняя роса не грозила промочить одежду и вызвать простуду. Между подстилкой и окружающей зелёной травой пролегла чёткая граница — защитный круг, начертанный духовной силой. Он был почти невидим, лишь слабое золотистое сияние выдавало его при близком рассмотрении.

Цзи Саньмэй потянулся, коснулся золотого круга — и понял: эта преграда способна отразить даже заклинателя на этапе Преобразования Духа.

Цзи Саньмэй задумался.

С тех пор как он прибыл в Храм Цзюэми, он заметил две весьма странные вещи.

Он помнил, что в прошлой жизни, то есть до своего восемнадцатилетия, мастерство Шэнь Фаши застыло на поздней стадии Золотого Ядра, не двигаясь вперёд. Несколько раз он уходил в затворничество, но так и не смог прорвать оковы этого этапа.

В этом не было ничего удивительного: вот уже сто лет как среди orthodox заклинателей почти не находилось тех, кто преодолевал Золотое Ядро. Нетерпеливы? Терпите. Не согласны? Терпите.

В те времена сила Шэнь Фаши и так считалась выдающейся среди молодёжи Города Чжуинь. Но судя по этому кругу, ныне его мощь превзошла даже уровень Преобразования Духа.

Кроме того, была ещё одна вещь, не дававшая Цзи Саньмэю покоя.

С тех пор как он прибыл в Храм Цзюэми, он ни разу не видел, чтобы Шэнь Фаши закрывал глаза для сна. Засыпая, Цзи Саньмэй всегда видел его открытые очи. Просыпаясь — обнаруживал, что Шэнь Фаши уже покинул ложе.

Цзи Саньмэй, деливший с ним постель каждую ночь, мог поклясться: за всё время его сознательного бодрствования Шэнь Фаши ни разу не сомкнул веки.

Размышляя о важном, Цзи Саньмэй всё же не упустил возможности расстегнуть одежду и проверить, не осталось ли на теле следов страсти.

Шаги раздались среди подсолнухов и травы, остановившись в четырёх-пяти шагах от него.

Результаты осмотра принесли Цзи Саньмэю лишь разочарование, и приветствие его прозвучало вяло:

— Учитель.

Шэнь Фаши:

— Хм.

Шэнь Фаши протянул ему нечто — широкий лист, свёрнутый в ковшик, наполненный чистой водой, искрящейся в ослепительном утреннем свете без единой соринки:

— Прополощи горло.

— Учитель, прошлой ночью...

Шэнь Фаши:

— «Всё сущее — лишь сон, мираж, пузырь, тень, роса, молния. Так должно смотреть на происходящее».

Цзи Саньмэй:

— Чего?

— Следовательно, ничего не происходило.

Цзи Саньмэй подумал, что Шэнь Фаши, изрекающий подобную чушь с каменным лицом, чертовски, до безумия, красив.

Цзи Саньмэй попытался приподняться с подстилки, но тело вдруг задеревенело:

— Учитель, поясница болит, не могу встать.

Боль была настоящей, дергающей. И, судя по всему, причиной была неудовлетворённость.

Лицо Шэнь Фаши на миг позеленело — видимо, он страстно желал заявить о своей невинности, но, посчитав, что лишние слова лишь навредят, ограничился кратчайшим ответом.

Он повернулся к Цзи Саньмэю спиной и присел:

— Забирайся.

Цзи Саньмэй, разумеется, ухватился за предложение. С радостной ухмылкой он обвил руками его шею.

Шэнь Фаши подхватил его под ягодицы, легко взметнул вверх — и Цзи Саньмэй очутился на его широкой, тёплой спине.

<http://bllate.org/book/16281/1466298>